

Церковный праздник для людей Божиих подобен живой личности: у него есть свое происхождение, свое рождение, развитие, свои назначения и смысл, свои неповторимые особенности, свое лицо, свой характер... Живой характер Крещения Господня находит отражение в агиасме. В святой воде.

Великое водоосвящение является уставной и исключительной особенностью двенадцатого праздника Богоявления или, как он еще называется, Крещения. Соответственно, и совершается такое освящение воды лишь дважды в году — в навечерие Богоявления (сочельник), 18 января, и на следующий день, собственно в праздник Крещения Господня. В этом первое и главное отличие водоосвящения великого от малого, которое по уставу и традициям Православной Церкви полагается в дни Светлой пятницы (в честь иконы Божией Матери «Животворящий Источник»), Преполовления Пятидесятницы,

малой, вода освящается не только троекратным погружением в нее креста, но и соприкосновением с благословляющей десницей иерея, а само последование богоявленского водоосвящения состоит из более продолжительных и глубоких молитвословий.

Величие и сакральный смысл этого дня — 19 января по новому стилю — заключается в значении праздничного события: Христос Спаситель входит в воды Иордана, устанавливая тем самым таинство Крещения и освящая одну из четырех стихий видимого мира. Именно вода избирается Господом для такого священнодействия — не земля, не воздух,

словесного мышления наших предков, для которых, очевидно, вхождение личности в Церковь Божию (а именно это означает собой таинство Крещения) и принятие на себя Креста Христова представлялись синонимичными и нераздельными составляющими человеческого спасения. Однако изначально акт личностного воцерковления, становления членом Церкви, избранного рода спасаемых, есть как раз очищение — мистическое омовение от так называемого первородного греха (а также и от всех приобретенных с момента телесного рождения личных грехов), что указывает на духовное рождение человека,

«...ГОСПОДЬ НА ВОДАХ МНОГИХ» Еще раз о Великой агиасме

Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня 14 августа, престольных праздников, а также и в любое другое время — в качестве приходской требы по просьбе богомольцев. Почину великой агиасмы, в отличие от

стоит «βαπτισμα», что означает буквально «окупать», «погружать», то есть — омыwać и очищать. Ну а исконно славянское образование «крещение» происходит, конечно же, от слова «крест», в чем, пожалуй, проявляется характер бого-

то есть его дальнейшую способность к освобождению от смерти, воскресению, вечной жизни.

Таково, обобщенно, значение воды в Крещении. Отсюда, собственно говоря, и природа огромных, сопоставимых с пасхальными, скоплений людей и длиннющих очередей в эти дни у православных храмов. В том числе и в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Только в силу некоторых специфических особенностей нашей обители здесь очереди чуть-чуть длиннее, нежели в подавляющем большинстве других монастырей и приходов.

Традиционно в стенах Лавры действуют два основных пункта раздачи агиасмы: на территории монастыря (в Трапезной церкви) и в Московской духовной академии (в Покровском храме). В силу того, что в обители воду разливают сами насельники, в том числе духовенство — вплоть до братьев-игуменов, а в духовной школе — студенты, которых на порядок больше, то и пропускная способность второго пункта представляется более высокой.

Многие верующие задаются вопросом: сколько нужно брать воды?

Ответ прост: много. Крещенскую воду используют и для окропления помещений (что необходимо делать всякий раз непосредственно в день праздника), и для освящения вещей, и помазания, и, конечно же, для питья. При этом хватить ее должно на целый год — до следующего Богоявления. Церковные каноны предписывают употреблять агиасму в случаях, когда человек не может приступить к таинству Причастия. В соответствии с этим установилась благочестивая практика ежедневного «причащения», как называют это богослужебные книги, святой воды. Пить ее следует с молитвой (например, Господней или Иисусовой), очень удобно — после утреннего правила, и непременно — натощак (за исключением самого дня Крещения, когда воду можно потреблять и с пищей, и после вкушения до самого вечера). Таким образом, если выпивать, скажем, 50 мл в день, чего в общем-то и вполне достаточно, то, учитывая что в нынешнем году 366 суток, путем несложных арифметических вычислений легко узнать и нужное вам количество: ни много ни мало 18,3 литра...

Важно помнить, что богоявленская вода — великая святыня, а потому требует и соответствующего к себе благоговения. Хранить ее нужно в чистом, достойном святыни месте; нельзя ее проливать и выливать; к ней и прикасаться-то надо с крестным знамением. Очень печальное зрелище представляют собой люди, которые приходят за крещенской водой с емкостями, что называется, бывшими в употреблении, зачастую не потрудившись даже помыть их, просушить или хотя бы отскоблить этикетки. И терпимо еще, если это бутылки из-под какой-нибудь кока-колы или кваса, но, увы, нередко случается видеть тару и, например, из-под пива. Если служитель, раздающий воду, откажется вам в подобном случае налить ее, то делает совершенно правильно, более того — он и обязан так поступить. Если все-таки не хотите отнестись к Богу по своему рода «остаточному» принципу, то возьмите либо новую, еще не употреблявшуюся емкость, либо ту, в которой ранее уже хранилась святая вода. И — пейте на здоровье!

И. Сергиев.

ПОДРОБНОСТИ

«Я СРАЗУ НАБЕЛО СЛАГАЮ»

Под закат года 24 декабря в библиотеке им. А.С. Горьковского прошла презентация книги секретаря Правления Союза писателей России, руководителя сергиевипосадской писательской организации Александра Ананичева «Утренний поезд».

В сборник вошли стихотворения, написанные поэтом в период 2009-2011 гг., а также переводы народного поэта Дагестана Магомеда Ахмедова — последователя Расула Гамзатова и современных поэтов Кыргызстана. Книга вышла тиражом 500 экземпляров в издательстве ООО «Алисторус». В ней всего 96 страниц, но каких страниц!

Многие темы охвачены авторским вниманием. Нашла отражение и семейная тема, очень важная для поэта. Его душа отзывается на основные мотивы Сергея Есенина, на традиции авторской лирики. При этом в поэзии много очень личного, сокровенного для автора. Он неравнодушен к тому, что происходит в природе, как складываются отношения людей, чем заняты их мысли, как они живут.

В его стихах много «удали, звона ныне воскрешенных колоколов и

мудрости христианского всепрощения — в них много добра и любви».

Коренной загорчанин, родившийся в 1970 г., является кандидатом педагогических наук, автором девяти поэтических книг. Им написано порядка пятидесяти книг для детей и семейного чтения, отмеченных дипломом Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие серии книг 2005 г.»

Он переводит на русский язык многих поэтов. Его стихи переводились на английский, азербайджанский, болгарский, польский и румынский языки.

Поэт Геннадий Иванов, в настоящее время исполняющий обязанности Председателя Правления Союза писателей России Валерия Ганичева, а примерно десять лет назад стоявший у истоков писательской организации в Сергиевом Посаде, сказал об Александре

Ананичеве: «Саша — это абсолютное восхождение... Саша — талантливый и настоящий, он удивительно растущий и развивающийся. Саша возвращает меня в глубину русского менталитета».

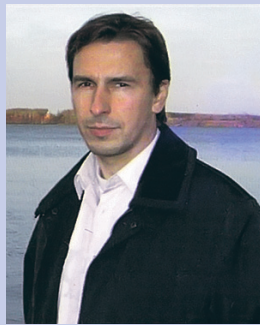
Напомним слова Александра Твардовского: «за некоторые стихи я платил бы золотыми слитками», Геннадий Викторович признался на вечере: «за Сашины стихи я платил бы серебряными слитками с золотым обрамлением».

А обозреватель радио «Подмосковье» Владимир Шакулов, поздравив автора только что вышедшей книги с Новым годом от имени своего руководства, назвал А.С. Ананичева «жемчужиной — тем, что надо нашей стране, нашей подмосковной земле, щедрой на таланты».

Восхитило присутствующих на встрече выступление руководителя клуба авторской песни «Адонис»

Дворца культуры им. Ю.А. Гагарина, лауреата международного конкурса авторской песни Александра Воронина. Он исполнил дивный городской романс «Ты» и другие песни на стихи поэта. Весь зал дружно подпевал Александру Ананичеву, когда он пел свою песню о Сергеевом Посаде.

Невозможно не отметить высказываний о творчестве А.С. Ананичева людей, известных не только в России, но и далеко от ее пределов. Вот как характеризовала его стихи Римма Казакова: «Стихи Александра Ананичева — как картина с перспективой: не плоскостное, мимолетное изображение действительности, а постоянный пытливый взгляд туда, за линию горизонта, за очертания предмета, простирающегося в пространстве и временное неведомое... В

основе его стихов и песен лежит музыка слов, выстраивая стих. И эта музыка — музыка чистоты, честности, музыка любви. Та музыка, без которой нас нет...».

Блестящую оценку исполнительскому мастерству и его лирическим произведениям дал Лев Аннинский: «Поэт — в такт шагам, в ритме легкой, летящей походки... Открытая ширь, пение птиц, плеск реки. Овевающий ветер, дыхание в такт шагам, пение — вольное, как дыхание. Как это вольное, счастье-пение сопрячь с горячею знания, эту естественную энергию — с ожиданием Апокалипсиса? А думаете, вечные разборки наши, удал раздерихинская — от «ошибок» только? От избытка сил всё это. Вот этот избыток сил и держит выпрямленной душу человека, осознавшую себя в Сергеевом Посаде, опевшего весь мир и вернувшегося, чтобы поцеловать родные камни».

В теплой атмосфере вечера Г.В. Иванов вручил удостоверение членов Союза писателей России свитковцам — Надежде Гикал, Ольге Киселевой, Галине Ключниковой и Андрею Сорокину, принятым в СПР в конце ушедшего года.

Нинель Холодкова

Святочный цикл воспринимался как пограничный между старым и новым солнечным годом, своего рода безвременье. Верили, что в эти дни на земле появлялись души умерших, а нечисть становилась особенно опасной. Поэтому святки были насыщены обрядами, магическими действиями, запретами, гаданиями. С их помощью стремились обеспечить семейное благополучие, выяснить свою судьбу, задобрить «родителей» — умерших предков, обезопасить себя от «нечистой силы».

В Рождественский, Крещенский сочельник, на Васильев день устраивались поминальные трапезы «для родителей» с кутьей, блинами, киселем, верили, что «родители» в благодарность за заботу могут помочь им во всех делах.

По своему характеру святочная обрядность четко делится на ритуальную и игровую. Ритуальная исполнялась от Рождества до Нового года: славили Христа, гадали об урожае. Вторая неделя святок была заполнена играми, ряжением, разыгрыванием на посиделках «народных драм», гаданиями о суженых, девичьими смотринами.

День Рождества повсеместно отмечался славлением Христа, во время которого небольшие группы «славельщиков» обходили крестьянские дворы с поздравлениями и пожеланиями благополучия:

*Славите, славите,
Сами, люди, знаете:
Христос родился,
Ирод возмущился,
Иуда удавился,
Мир возвеселился.
С праздником поздравляю,
И вам того же желаю!
Раскрывайте кису,
Вынимайте колбасу,
Больше не прошу!*

Ближе к вечеру обход дворов завершали парни и девушки. Во главе

ТРАДИЦИЯ

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

Святки — период времени, приуроченный к зимнему солнцевороту, который открывал народный солнечный год. Святки длились двенадцать дней (по числу месяцев года), с Рождества Христова до крещения Господня и включали в себя Васильев день.

процессии они несли звезду или вертеп. Вместо звезды иногда использовали фонарь, оклеенный картинками на тему рождения Христа. Хождение с фонарями и звездами было распространено повсеместно на всей территории расселения русского народа.

Христославельщиков принято было приглашать в избы. Там они пели «Рождество Твое, Христе Боже наш» и «Дева днесь Пресущественного раждает». После гимнов пересказывались рождественские события, прославлялись Христос и Мария, звучали поздравления с Рождеством.

Обход дворов с пением славы Христу вошел в народный быт из православной традиции. Вероятно, впервые он стал проводиться при царе Алексее Михайловиче. В народном сознании славление Христа осмыслилось как шествие волхвов к колыбели Иисуса, ведомых звездой, взошедшей над Иерусалимом.

В земледельческих районах рано утром Рождественского дня пастухи «обсевали» или «посевали» избы. С порога они поздравляли хозяев с праздником и бросали горсть зерна в подол хозяйке, приговаривая: «На живущих, на плодущих, третье — на здоровье! На полу теляток, под лавкой ягнят, на лавке ребятки!». Благодарные хозяева одаривали «славельщиков» хлебом, пирогами, колбасами, иногда деньгами.

В русской деревне особо почитался святой Василий Великий, архиепископ Кесарии каппадокийской, день памяти которого приходился на период зимних праздников. Официально празднование Нового года 1 января было установлено в 1699 году Указом Петра Первого. С того времени Васильев день рассматривался как главный праздник святочного периода.

Празднование Васильева дня имело много общего с празднованием Рождества и Креще-

Святки. Окрестности Сергиева Посада, 2009 г.

ния. В Васильев день собиравлось особое обрядовое застолье, во время которого подавался целиком жаренный поросенок, получивший название «кесаретского», поскольку Василий в народе считался покровителем свиней. Хозяин дома, раздавая угощение, обращался к святому Василию с просьбой о благополучии дома, хороших урожаях, плодovitости домашней скотины.

Самым ярким действием рождественских святок было колядование и связанный с ним обряд «кликать Овсень», «Таусень», которые представляли собой театральное зрелище, сопровождавшееся пением песен — пожеланий, величаний хозяевам. Обычно это происходило в ночь на Рождество, Васильев день, Крещение.

Собирались подростки, отдельно парни и девушки, молодые мужчины и женщины небольшими группами. Одного из них наряжали в вывороченную шубу, давали в руки палку и суму, куда складывали пряники, пироги, яйца. Колядующие пели под окнами изб величание хозяевам:

*Ой, овсень, бай, овсень!
Что ходил овсень по светлым вечерам,
Что искал овсень Иванов двор.
У Ивана во дворе три терема стоят.
Первый терем — светлый месяц,
Второй терем — красно солнце,
Третий терем — частые звезды.
Что светел месяц — то Иван — хозяин,
Что красно солнце — то хозяйка его,
Что часты звезды — то детки его.*

Затем шли пожелания хозяйственного благополучия.

*Уж дай ему Бог,
Зароди ему Бог.
Чтоб рождь родилась.
Из колоса — осьмина,
Из полужерна — пироги,
С топорища — долины,
С рукавицу — ширины.*

Коляда заканчивалась просьбой о подаании и угрозой наказания хозяев в случае отказа:

*Наш овсень,
Подавай совсем!
А не подашь на Новый год,
Еловый тебе гроб...*

В прошлом существовало несколько сотен способов гадания: по звездам, месяцу, воде, снегу; с кольцами, зерном, квашней, блинами, ложками, курицей, петухом, овцами, зеркалом и свечами, и угольками; слушали лай собак, фырканье лошадей, разговоры под окнами; спрашивали имя у первого встречного, гадали у овина и внутри его, в бане, на улице, на перекрестках. Гадания на перекрестках и за околицей считались наиболее действенными — здесь стояли часовни и кресты.

Святки — время уличных забав, вечеров, ряжений. Рядились в вывороченную шубу, медведя, козу, быка, журавля, курицу. Повсеместно были распространены игры ряженных в «кобылку» («коня», «лошадь») и в «покойника». От времен Московского государства XVI—XVII вв. сохранились указы, запрещающие «бесовскую кобылку водить». Однако игра была широко известна и в XIX—начале XX вв.

На Крещение те, «кто рядили» или «ходил с личиной», для очищения от скверны купались в Иордани — крещенской проруби, около которой проходило водосвятие с торжественным молебном. Накануне Крещения совершались ритуальные действия, имевшие охранно-магические цели: на всех дверях и воротах построенные рисовались кресты, а внутри помещения окроплялись крещенской — святой водой.

Святая вода считалась целебной, способной защитить человека от болезней, восстановить жизненные силы, отпугнуть нечисть, охранить от греха.

Крещение почиталось в народе особым днем, который может принести счастье. В этот праздник старались окрестить ребенка, посвятить в надежде на удачную судьбу человека и будущей семьи. На площадях больших сел устраивались «смотрины невест», куда съезжались парни и их матери, собиравшиеся женить своих сыновей в наступающий после Крещения мясоед.

В. Жигулева.

На фото:

1. Зеркало. XVII в. Россия.
2. Пряничная доска. 1870 г. Вятская губерния.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

РОЖДЕСТВО ПО ЧУКОВСКОМУ

Кто не помнит этих строк:

*Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил,
Папиросы курил,
По-немецки говорил,
— Крокодил, Крокодил, Крокодилович.*

Первая публикация «Вани и Крокодила» Корнея Чуковского растянулась на целый год. Печатался он в еженесном журнале «Для детей» — приложении к известной «Ниве». И редакция из месяца в месяц извещала, что «Продолжение этой потрясающей истории будет напечатано в следующих номерах». Происходило это в 1917 году, столь богатом событиями в нашей истории.

Не буду излагать ни содержания этого известного произведения, столь полюбившегося детям, ни его толкований критиками. Хочу обратить внимание на иллюстрации, сделанные графиком Ре-Ми, художником-сатириком (Николаем Ремизовым). Вот Крокодил, изгнанный из Петрограда, возвращается в Африку. Всем зверям он привез подарки. А детишкам?

Оказалось, что им он привез самый главный подарок:

*Вот вам елочка душистая, зеленая,
Из далекой из России привезенная,
Вся чудесными увешана игрушками,
Золочеными орешками, хлопучками...*

*А теперь и нам, зверям, на Рождество
Развеселое тут будет торжество!
То-то свечки мы на елочке зажжем,
То-то песенки мы елочке споем...*

И звери радостно пускаются во круг елочки в пляс. Художник дал к этим событиям замечательные «картинки».

Но потом между людьми и зверями происходят серьезные военные столкновения. Напомним, что действие разворачивается в 1917 году. Однако, как и положено сказке, все кончается общим примирением. И доблестный Ваня Васильчиков, герой произведения, открывает клетки зоопарков, выпускает зверей на свободу с напутствием:

*«Да будет пища ваша —
Лишь чай да простокваша,
Да гречневая каша
И больше ничего».
[Тут голос раздался Кокоши:
— «А можно мне кушать калоши?»
Но Ваня ответил: «Ни-ни!
Боже тебя сохрани!»]*

Сказочная повесть заканчивается рождественскими праздниками:

*Вот и сочельник. Веселая елка
Будет сегодня у серого Волка.
Много там будет веселых гостей!
Едемте, дети, туда поскорей!*

И тут, в конце, художник изобразил и самого Чуковского, и Крокодила, который пришел к нему в гости, и Ваню, и, конечно, елку с хороводом зверей.

Ничего с визитом ко мне приходил —
Кто бы вы думали? — сам Крокодил.
Я усадил старика на диванчик,
Дал ему сладкого чаю стаканчик.
Вдруг неожиданно Ваня бежал
И, как разного, его целовал.
Вот и сочельник — веселая елка
Будет сегодня у серого Волка.
Много там будет веселых гостей.
Едемте, дети, туда поскорей!

Конец

Но наступил год 1919. «Суровый, бесхлебный и безбумажный». И эти стихи Чуковского Петросовет издал отдельной книжкой. И иллюстрации сделал тот же художник. Только кое-что изменил. Нет веселого хоровода. Печальные сидят под елочкой зайчик и лисичка, а над ними каркает ворона. На елке ни одной игрушки. Что ж — это вполне отвечало настроению 1919 года. Сам Чуковский писал, что на Рождество (7 января 1920 г.) его дети положили под елку подарки родителям: фунтики с кусочками хлеба, который им давали в гимназии (в течение месяца они копили и сушили хлеб).

Этот рисунок я нашла в интернете. А вот тех, первых, с елочкой, с хороводом, в интернете нет. Я взяла их из журнала 1917 года. Журнал этот был у меня всю жизнь. И до меня побывал в руках многих детишек. Так что где-то край картинки оборван, раскраска цветными карандашами портит черную-белую графику. Но ведь это говорит лишь о популярности этого произведения Чуковского, которое он в первом издании назвал просто «стишками» и предназначил «Для самых маленьких детей».

Т. Смирнова

уже многие годы, а кто-то — и десятилетия. Таков, например, игумен Илиан — батюшка немногословный, строгий и очень ответственный. Среди братии он особо славится своей душевной привязанностью к монастырской бане, в которой может проводить как не по одному часу в день, так и не по одному дню в неделю. Кроме того, старец Илиан поражает своих сверстников и даже более молодых братьев тем, что легко читает записки без очков. Да и вообще он весь такой... как бы это сказать... ну, спортивный, что ли.

Не менее (а впрочем, даже более) высокой фигурой является отец игумен Арсений. Игумен — это, конечно, лишь формальное обозначение его сана, на самом же деле братия давно и прочно усвоила батюшке Арсению наименование «Владыка». Сейчас уже сложно установить причину такого прозвища (скорее всего, она кроется в масштабах личности отца Арсения), но появилось оно сразу же после того, как Владыка окончил Московскую духовную академию, то есть порядка 35 лет назад. Его отличают очень хорошие данные для выемки — высо-

личный синодик, потому что, если кто-то просит отца Иону помолиться и вручает ему записку, то записка та уже никогда не выкидывается, но вкладывается в поманник, который, кажется, уже можно издавать в нескольких томах.

У иеромонаха Зосимы в бригаде особый фронт послушания — достаточно большая и трудоемкая работа. Он поминает составленный иеродиакном Пафнутием синодик братии, почившей за все время существования обители. Сюда входят имена и великих князей и княжон, и благочестивых государей царей и императоров, царевичей и цесаревичей, и предстоятелей Русской Церкви — Патриархов, митрополитов Московских и Киевских, и настоятелей, наместников обители, и всех (!) ее насельников с XV века; кроме того, и защитников Троице-Сергиева монастыря от интервентов в 1608–1610 годах, среди которых есть имена и «служки», и их «детенышей», и «попов белых», и рабов Божиих с пометкой «аще крещены» (например, таких личностей как Докучай, Истома, Домашний, Меньшик, Нехорошка, Пинай, Смирый, Суета, Сухой, Томил, Худяк и др.); также здесь помянуты имена братии, усопшей перед закрытием Лавры (1900–1921 гг) и пострадавшей в годы гонений на Церковь в прошлом веке; и еще всех, погребенных на территории монастыря с XIV по XXI столетие, и сродников преподобных Сергия, Никона, Дионисия Радонежских, митрополитов Платона (Левшина), Филарета (Дроздова) и других выдающихся настоятелей Лавры. Надо заметить, что при составлении синодика отец Пафнутий, помимо прочего, использовал рукописи, хранящиеся в РГБ. Вряд ли кто-то из людей, включенных в этот список, мог предполагать, что, спустя века, их грехи, ведомые и неведомые, будут ежедневно отмываться Честною Кровию Христовою на лаврском престоле... Однако это происходит — только благодаря тому, что люди эти были связаны с обителью Преподобного. И еще благодаря тому, что есть здесь отец Зосима...

Сравнительно недавно к послушанию по выемке подключился архимандрит Никодим, отметивший минувшим летом 75-летний юбилей. В последнее время старец много и серьезно болел, оперировался и с трудом выкарабкался из критической ситуации. Сейчас ему трудно не только служить, но и даже просто стоять на ногах. Когда-то он окончил МДАиС и аспирантуру ОВЦС, много лет нес послушание в Патриархии, немало поездил по белому свету. Практически все его одноклассники давно стали архиереями, митрополитами. Но сегодня многие из них, приезжая в Лавру, завидуют отцу Никодиму, который 40 лет прожил в одной и той же келье Предтеченского корпуса...

На вседневной вечерней службе в Трапезном храме батюшка Никодим обычно располагается на скамье под клиросом.

— Серж, садись, — предлагает он мне в один из таких вечеров, указывая на место рядом.

Я присаживаюсь. Это начало утрени. Хоры умиротворенно молчат, только отец щебечет кафизму. Над храмом величественно, тихо и предупреждающе распростерлось Распятие. Отец Никодим поднимает голову под купол:

— Господи, как хорошо в монастыре!

Потом непонимающе качает головой:

— А многие еще и уходят отсюда...

И добавляет:

— Как же хорошо...

Иеромонах Сергей.

Фото: иеромонах Гавриил.

На фото:

1. Невидимый фронт Успенского собора: предел св. мученицы Ирины во время службы.

2. Игумен Илиан приходит задолго до начала богослужения.

3. Архимандрит Никодим (справа) и Владыка Арсений неразлучны.

СВЯТЫЕ НЕСВЯТЫЕ

Послушание по выемке частиц из просфор в Лавре ежедневно несут десять священников

Дверь в Ирининский предел медленно отворяется. «Ребята, внимание! Все встаем!» — командует отец Никодим. Отцы, включая Владыку, послушно поднимаются со своих мест. Неспешно, как будто плывя по воздуху, входит ангел Божий. «Пафнутия помяните!» — вновь приказывает отец архимандрит. Братья, все десять человек, присутствующие в этот момент за выемкой частиц из просфор в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры, с готовностью исполняют.

Ангела зовут иеродиакон Пафнутий. Он чрезвычайно благообразен и благочестив, чему не мешает даже богословское образование, полученное в Московской духовной академии. Медленно, выразительно кадит каждого из священников — создается даже впечатление, что три по три, архиерейским чином, но это чувство обманчиво. Просто он очень любит эту братию. И всякий раз, совершая полное каждение храма, посещая Ирининский предел и всех, несущих здесь свое нелегкое послушание.

На ежедневное это послушание, не знающее праздников и выходных (за исключением тех великопостных дней, когда не совершается полная литургия), в Лавре постоянно назначают десять священников. Задача их на первый взгляд проста: помяная имена, указанные богомольцами в заказных записках, вынимать из просфор за каждое из этих имен по частице. Для справки: так называемая в церковном словоупотреблении «заказная» записка тем и отличается от «простой», что требует поминовения с выемкой частицы из проскомидийного хлеба, просфоры. В дальнейшем вынутые частицы возлагаются на дискос и переносятся Великим входом с жертвенника на престол, а после Причастия погружаются в потир с особой молитвой иерея, в которой тот просит Господа отмыть Своей Кровью и молитвами святых, поминавшихся на литургии, грехи людей, за которых вынуты эти частицы. Естественно поэтому, что такое поминовение является наиболее действенной молитвой Церкви за верующих — в отличие от произнесения имен на ектениях и, тем более, простого поминовения, вообще не привязанного к Евхаристии. Отсюда и столь серьезное отношение в обители преподобного Сергия к этому священнодействию.

Для совершения выемки в двух крупнейших храмах Лавры — Успенском соборе и Трапезной церк-

ви, где проходят вечерние богослужения и поздние литургии (а именно за поздней окончательно поминаются все поданные на текущий день записки), — установлены специальные дополнительные жертвенники. Площадь их позволяет вместить одновременно до 10 священнослужителей и около 3000 просфор. В зимнее время в Успенском соборе такой жертвенник действует в пределе святой мученицы Ирины, расположенном в южной стороне апсидной части.

В течение суточного богослужебного круга в будни вынимаются частицы не менее чем из тысячи просфор. В праздничные дни это число возрастает до трех-четырех тысяч. Например, в минувшие государственные каникулы, связанные с Новолетием и Рождеством, такое количество просфор благословлялось ежедневно. Ну а собственно в день Рождества Христова было вынута семь тысяч просфор. Но даже подобные объемы не справляются с наплывом паломников — просфоры расходятся с почти катастрофической быстротой, поэтому приходится ограничивать выдачу: не более пяти штук в руки.

Руководить такими ответственными трудами доверено игумену Евстафию — человеку кроткому, исполнительному, пользующемуся безоговорочным уважением как у священноначалия, так и у братии. Отец Евстафий — настоящий труженик: он несет еще и послушание в казначейской службе Лавры. Распорядок его дня совершенно не оставляет места для праздности: каждое утро он начинает с посещения братского молебна Преподобному в 5.30, а в праздничные дни неопустительно

служит раннюю литургию (входные молитвы которой начинаются в 5.15); затем сразу направляется на выемку частиц к поздней литургии; отсюда — на послушание в казначейской службе; затем — трапеза и вновь казначейские труды; в 17.00 он непременно выходит на вечернее богослужение. И так — каждый Божий день. При этом руководство его строится на евангельском принципе: «Больший из вас да будет вам слуга» (Мф. 23; 11): батюшка и записки из-за свечного ящика приносит, и вынутые просфоры за братией убирает, укладывая в специальные ящики, и уборкой жертвенника после службы занимается. Одно слово — пчелка!

Костяк его бригады (как называют свою группу сами исполнители этого послушания) составляют священники, трудящиеся на выемке

какая скорость и большие объемы поминовений. Владыка крайне не любит лентяев, всячески обличает и бичует всех, кто не способен поддерживать предлагаемые им темпы работы. Еще он чрезвычайно почитает своего старшего брата — протоиерея Вячеслава, который служит в небольшом селе под Курском. Отец Вячеслав предсказал, что Владыка проживет до 90 лет, то есть еще 20. «Однажды он увидел во сне картину страшного суда. Это было похоже на экзамены, которые у нас принимали при поступлении в семинарию. Так же стоял стол, а за ним сидели апостолы. Перед моим братом шел один западный священник. «Вы не проходите, — сказали ему апостолы, — потому что слишком сокращали службы: отойдите в сторону, стойте и ждите — вас будет судить Сам Господь»... Потом подошел брат. «Ваша служба оценена на «четыре», — сказали ему апостолы, — вы проходите»... Брат никогда не сокращал службы — наоборот, даже добавлял от себя что-нибудь — например, 17-ю кафизму на панихиде»...

Владыка Арсений всегда рад успехам других, а потому очень любит отца Питирима, который является самым скоростным батюшкой в бригаде. Он быстрее всех читает записки и вынимает частицы из самого большего количества просфор. Также игумен Питирим известен тем, что раздал все свои кресты — а их, надо полагать, Господь послал ему за 73 года немало.

Нельзя не упомянуть и об иеромонахе Ионе, которого за жертвенником весьма уважают за смиренный нрав и безмолвие. У этого 70-летнего батюшки самый объемный

Драгоценное металлическое кружево с древних времен называлось в России сканью. Слово происходит от старинного термина «скать», то есть скручивать, свивать. Ему эквивалентно европейское название «филигрань», также употреблявшееся в ремесленной среде и у знатоков искусства. Умелые мастера вытягивали из одного грамма золота нить длиной в 2500 метров. Серебро чуть менее пластично, но и оно позволяло творить чудеса. Самым лучшим материалом считалась выжата из старых тканей, содержащих золотые и серебряные нити. Несколько раз пропущенный через огонь металл, обладал особой пластичностью.

Оборудование для изготовления проволоки довольно простое. Ее вытягивают, пропуская через ряд постепенно уменьшающихся отверстий в стальных пластинах. Для получения самой тонкой проволоки на последнем этапе в пластинки вставляли просверленный алмаз

ЗНАМЕНИТАЯ И НЕПОЗНАННАЯ

Кружево в серебре

Золото и серебро всегда ценились за красоту, выявленную сиянием отполированной или орнаментированной поверхности. Но металлы обладают и еще одним ценнейшим качеством, необыкновенно важным для ювелиров. Их пластичность позволяет вытягивать тончайшие металлические нити, из которых мастера золотых и серебряных дел «плели», подобно кружевницам, замысловатые узоры.

или сапфир. При этом сканщик смазывал заостренный кончик маслом, чтобы он легче проходил в отверстие. А для того, чтобы не случилось обрыва, периодически проводили отжиг драгоценной нити. Затем несколько тончайших прядей скручивали, «скали» в золотую или серебряную веревочку их трех или более нитей. Для вариативности узоров саму ссученную прядь могли сплющить. Таким образом, ювелиры исходным материалом имели различной толщины и конфигурации нити, веревочки, шнурочки, плоские полосочки. Они могли во всем блеске проявить свою фантазию, сочетая гладкие, рубчатые и разномасштабные детали орнамента. Нередко сканные узоры дополняли мельчайшими шариками, как бы россыпями зерен, называемых «зерну».

Особенное мастерство требовалось для создания ажурных узоров. Собирали их на пластинке с предварительным нанесением на плотной бумаге рисунком, присыпали припоем специального состава и спаивали при помощи паяльной трубки. Бумага сгорала, а детали

орнамента прочно соединялись между собой.

В русском искусстве ювелирная скань считалась верхом мастерства, а среди ремесленников сканщики были на особом счету. В средневековый период филигранные узоры чаще всего совмещали с эмалью, заливая ячейки цветной непрозрачной стекловидной массой синего, зеленого, белого цвета, редко обновляя палитру иной колористической гаммой. В более поздний период особую любовь вызвала ажурная скань. В XVIII–XIX вв. русское ювелирное искусство в технических возможностях и в исполнении уравнивалось с многовековым европейским мастерством.

В ризничном собрании Троице-Сергиевой Лавры сохранились великолепные образцы этого вида сереброразделия. Одним из них являлась книга 1798 г. «Чиновник архиерейского служения», бывшая личной вещью митрополита Платона (Левшина). Ученый троцкий архимандрит XIX в. Леонид (Кавелин) выделял ее среди достопримечательностей Лавры: «Чиновник... в сереброразделном переплете, со-

стоящий из гладких досок, на кои наложена изящной сканной работы накладка серебряная в виде переплетенных виноградных лоз и цве-

тов; корешок, застежки и петли тоже серебряные». Сканые переплетения в стиле барокко наподобие пенного кружева обрамляют маленькую книгу. Замысел и исполнение столь виртуозны, что от нее невозможно отвести взгляда.

Среди произведений, поступивших в 1922 г. из ризницы, в процессе формирования музейной коллекции был отмечен потир, обладающий «несомненными историко-художественными» качествами. Документы монастырского архива свидетельствуют, что он — вклад «Лавры духовника соборного иеромонаха Рафаила в 1806 г.» Сосуд выполнен в стиле классицизма и имеет оригинальную форму. Его стояк представляет собой фигуру ангела, поднятые руки и взметнувшиеся крылья которого поддерживают гладкостенную золоченую чашу в изящном ажурном серебряном кожухе с россыпью мельчайших шариков зерни. Для московских сканных изделий XIX в. характерен узор в виде сетчатой вуали, обрамляющей округлые поверхности всевозможных изделий. В церковном искусстве его использование было повсеместным.

Заострив внимание лишь на двух произведениях сканного мастерства, отметим, что в экспозиционных залах музея «Ризница Троице-Сергиевой Лавры» их выставлено большое количество: многочисленные кресты, панагии, оклады икон, богослужебные сосуды.

Л. Шитова

На фото:

1. Оклад книги «Чиновник архиерейского служения». 1798 г. Москва.
2. Потир 1806 г. Москва.

ЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА

Аристарх Лентулов в Сергиевом Посаде (К 120-летию со дня рождения художника)

В Переславском музее-заповеднике есть небольшая картина «У Черниговской». Великолепное сочетание многокрасочной, отдающей в синеву зелени и кирпичных строений — невысокая стена, башенка. Но в пейзаже какая-то напряженность. Еще не тревога, нет...

Это работа Аристарха Лентулова. Он — художник необычайно яркий, праздничный, безудержно радостный, один из бубнововалетцев — объединения московских художников, полного молодого задора, дерзости, азарта. Петербургский художник Александр Бенуа писал, что в Москве «самый воздух как-то пьянит, дразнит, подстегивает... Искусство там, может быть и грубое, и сырое, а иногда и прямо страшное, пугающее, но всегда интересное, захватывающее, волнующее и бодрящее». Эти слова полностью могут быть отнесены к Лентулову. Он, пожалуй, самый динамичный, самый увлекающийся из художников этого направления.

Вот его «Василий Блаженный» (1913). Собор представлен нам одновременно в разных ракурсах. И как же автор стремится передать эту безудержную фантазию форм и красок! Ему мало тех возможностей, которые дает живопись: он

наклеивает на купола золотые звезды из фольги! Мы видим ту «цветодинамику», которую Лентулов провозгласил основным принципом своей работы.

А в панно «Звон (Колокольный Иван Великий)» (1915) звон такой силы, что раскачивает колокольную. Кажется, — звуковые волны расходятся по холсту. «Это сквозь живопись прошла буря» — писал Велимир Хлебников. Добавим, что в 1909–1910 годах была создана композитором А.Н. Скрябиным симфоническая поэма «Прометей», где был осуществлен синтез цвета и звука. И в 1918-м Лентулов получил невероятно его увлекший заказ на оформление театральной сцены для исполнения этого произведения.

Среди других членов объединения «Бубновый валет» Лентулов выделяется обилием картин, где участвуют храмы (участвуют — именно так хочется сказать). Он

писал и Москву с ее «сорока сороками», и Иверскую часовню, и Ново-Иерусалимский монастырь, и еще много церквей. Может быть, это связано с тем, что родился он в семье священника, окончил духовное училище, поступил в семинарию... Верх взяла тяга к живописи. Но впечатления детства сказались.

И, конечно, он не мог не обратить взор на Троице-Сергиеву Лавру. Только жаль, что приехал Лентулов к Троице поздно — видимо, впервые в 1919-м. Потом он бывал, даже жил в Сергиевом Посаде вплоть до 1923 года, написал целую серию пейзажей. Только ничего нет праздничного в его работах того времени. Он пишет Лавру. Но пишет ее, увиденную сквозь сухие деревья: «Пейзаж с сухими деревьями и башенкой» (1920). «Пейзаж с сухими деревьями и высокими домами» (1920)... Высокие дома заслоняют Лавру, надвигаются на нее. Тянут мертвые ветки деревьев. Тяжелые, темные краски... Хочется закрыть глаза и не видеть, не видеть ничего, укрыться, уйти.

Объясняют перелом в искусстве Лентулова различными причинами: от влияния живописи Дерена и Сезанна до возникшего вдруг стремления к реализму. А может быть

дело прежде всего в том, что Лавра, закрытая и поруганная, произвела на него столь тяжелое впечатление?

1921 год. Лентулов сообщает в письме художнику А.В. Куприну: «Я работаю в Лавре всё, кроме Лавры». В Лавре — значит, в Посаде, вернее уже просто Сергиеве. Вот его картина «Сергиев Посад» (1921). Нет сухих деревьев и высоких домов. Нет и Лавры. Только видна Пятницкая церковь на Подоле. С покосившейся главкой, словно ее пытались свернуть. Небо с

рванными облаками, почти черная листва деревьев, тусклый красный цвет. Не хочется жить в таком городе.

Год 1922-й. «Улица в Сергиевом Посаде». Вполне реалистичный пейзаж. И место узнаваемое: проспект Красной Армии, справа так называемый 4-й дом Советов, слева частично видна Старая лаврская гостиница. Между ними мелкие домишки. Телега, лошаденка, человек с клюкой, еще какие-то люди, столб с многочисленными электрическими изоляторами и в параллель ему изогнутый голый ствол липы. «Скучно жить на этом свете, господа!», повторил бы, глядя на этот пейзаж, Н.В. Гоголь.

Тяжелым катком проехалось время по художникам, еще недавно молодым и дерзким. Еще долго жили и Аристарх Лентулов, и Илья Машков, и Петр Кончаловский. И так грустно рассматривать их альбомы с репродукциями картин, расположенными по хронологическому принципу.

А что же та небольшая картина «У Черниговской», с фрагментом ограды Черниговского скита Лавры и буйной зелени деревьев? Ее датируют 1919–1920-м годами. Должно быть, она из ранних работ Сергиево-Посадского периода в жизни художника. Он тогда только предчувствовал будущее. Но еще не знал, каким оно будет.

Т. Смирнова

На фото:

1. Сергиев Посад, 1921.
2. У Черниговской. 1919–1920.
3. Пейзаж с сухими деревьями и высокими домами (Пейзаж с Лаврой). 1920.
4. Улица в Сергиевом Посаде. 1922.

